

УДК 1 (470+430)+929 Коген

РЕЦЕПЦИЯ ЭТИКИ КОГЕНА
В РОССИИ¹

В. Н. Белов*

В статье обращается внимание на восприятие русскими философами рубежа XX века этических построений основоположника марбургской школы неокантианства Германа Когена.

Автор выделяет три подхода, характерные для этого восприятия: с позиции русской философии права, с позиции русской религиозной философии и с позиции русских последователей марбургского неокантианца.

Для первых двух подходов характерно несистемное восприятие с акцентом на критику. Для третьего, напротив, системность и попытка указать как на достижения, так и на недостатки в этических построениях Г. Когена.

В обращении русских теоретиков права к анализу этики Когена приоритетными оказались проблемы соотношения права и морали. И центральной темой рассуждений в этом аспекте стала тема ориентации этики марбургского философа на юриспруденцию.

Главный упрек, адресуемый последователем философии всеединства В.С. Соловьева Е.Н. Трубецким родоначальнику марбургского неокантианства, состоит в абсолютизации тем метода в философских построениях.

Один из русско-еврейских последователей Германа Когена Аарон Штейнберг выделяет три основных предпосылки философских построений марбургского неокантианца. Это системность, единство культуры и, наконец, еврейство, или «этический монотеизм», пророческий или мессианский.

Только в юриспруденции, убежден другой последователь марбургского философа Сергей Рубинштейн, человек рассматривается уже не с психологической точки зрения, как подверженный эмоциям и аффектам, и не с точки зрения экономической, обуславливаемый своими интересами, но как субъект прав и обязанностей.

Также отечественный автор отмечает несомненный позитив для определения этики в когеновском принципе или законе истины, которая может быть адекватно понята только в единстве логических и этических моментов.

Ключевые слова: Коген, Кант, философия права, русская философия, этика, система философии.

* Философский факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, 410000, г. Саратов, ул. Вольская, 10, 12-й корпус.

Поступила в редакцию 15.06.2014 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2014-4-7

© Белов В.Н., 2014

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ, проект №13-03-00042а.

В восприятии учения Германа Когена в России есть одна примечательная особенность, которая бросается в глаза даже при поверхностном обращении к данной теме: особое внимание со стороны русских философов рубежа XX века к этическим построениям основоположника марбургской школы неокантианства. Выделим три главные, на наш взгляд, причины такого положения дел.

Такова, во-первых, специфика самой русской философии. Так, многие исследователи истории русской философии, в том числе В. В. Зеньковский, Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев, выделяют этическую составляющую философских систем русских философов в качестве главной, указывая на ее практическую (мировоззренческую, жизненную) ориентацию.

Во-вторых, появление этических работ Когена — «Кантовского обоснования этики» (*Kants Begründung der Ethik*) и «Этики чистой воли» (*Ethik des reinen Willens*), а также выделение в них, особенно в последней, юридической направленности этики совпало с зарождением русской философии права — Б. Н. Чичерин, В. С. Соловьев, П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский, Л. И. Петражицкий.

И наконец, в этике Канта исследователи находят наиболее существенные недоработки и недостатки в системе критического идеализма, а посему и усилия Когена по преодолению этих недостатков здесь более отчетливы и очевидны и, в целом, понятнее и определеннее его вклад в развитие и кантовской философии.

В восприятии этического учения марбургского философа со стороны русских ученых также можно условно выделить три подхода.

Этика как основа юриспруденции

Наиболее представительным стал подход к анализу этических построений Когена с позиции философии права. Этическое учение марбургского философа оказалось в центре научных споров наиболее известных русских теоретиков права — П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, Е. В. Спекторского. Примечательно, что единственная монография по марбургской школе на русском языке, вышедшая в начале XX века, также была посвящена философии права ее основных представителей (Савальский, 1909).

Также здесь стоит отметить роль ведущего в то время философского журнала «Вопросы философии и психологии» в деле распространения идей Когена в России. Именно здесь публиковались первые рецензии на работы Когена, именно здесь появились и первые аналитические исследования творчества марбургского неокантианца.

Первый наиболее обстоятельный анализ этики Когена был опубликован в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1905 году (Спекторский, 1905), то есть почти сразу после появления второй работы немецкого философа по этике. Первое издание «*Ethik des reinen Willens*» вышло в 1904 году. При всей поверхностности и схематичности текста отечественного автора, чем страдает, в общем-то, большинство работ, стремящихся, что называется, по горячим следам произвести разбор учения того или иного философа, в нем можно обнаружить и вполне достойные внимания рассуждения. В частности, размышляя о специфике марбургской школы неокантианства, которую Спекторский считает наиболее интересным и глубоким современным философским направлением, он отмечает продуктив-

ный и единственно верный подход к критицизму Канта, который «выдвигает в его книгах на первый план то, что делает его философом свободной от всякого субъективизма науки» (Спекторский, 1905, с. 387–388). Отечественный автор особо выделяет вклад марбургской школы в историю философии, считая его непревзойденным в силу того, что именно в историко-философских монографиях марбургских неокантианцев история философии получает свое внутреннее единство.

Что же касается нравственной философии марбургцев, то ее Спекторский характеризует как пронизанную гуманистическими и просвещенческими мотивами. Особого внимания удостоивается «Этика чистой воли» Когена как книга, «где затронуто множество религиозных, нравственных и социальных вопросов, волнующих современную совесть» (Спекторский, 1905, с. 395). Наряду с многочисленными комплиментами в адрес автора книги и указаниями на вполне заслуженные достижения этической мысли Когена, Спекторский делает и ряд критических замечаний. Так, он считает, что несмотря на в целом положительные усилия марбургского философа по устранению из основополагающих понятий его этических построений — понятий деяния и воли — каких-либо психологических коннотаций, сделать ему это до конца не удалось ввиду того, что эти понятия прикреплены к психологии, что называется, намертво.

Также отечественный автор в своем анализе обращает внимание на то, что опора этики Когена на юриспруденцию не имеет такой же однозначной очевидности и оправданности, как опора логики на математику, ввиду историчности самой юриспруденции.

Суммируя все претензии к построениям чистой этики Когена, Спекторский замечает: «...он [Коген] напрасно положил в основание этики психологическое понятие воли и деяния, напрасно отделил эту науку от логики, подчинив ее вместе с последней какому-то неуловимому закону истины, отождествленной с Богом, и, наконец, напрасно связал ее с догматическим правоведением, в котором опять-таки совершенно напрасно усмотрел математику общественных наук. Благодаря всему этому, при всей чистоте замысла, книге все-таки, как нам кажется, не достает полной чистоты выполнения. И проблема чистой этики, как совершенно достоверной математической науки, все еще остается проблемой» (Спекторский, 1905, с. 411).

В этих выводах известного отечественного теоретика права присутствует одна верная мысль, с которой следует согласиться, а именно мысль о том, что Коген не претендует на открытие истины в последней инстанции, что свою задачу он видит в более выверенном, чем у Канта, определении маршрута мысли в сфере морали с определением начала этого маршрута, его основных реперных точек и его цели. Детальная же научная проработка всех этих содержаний так же бесконечна, как и само нравственное совершенство.

И все же полноте этих выводов, их глубине и убедительности, несомненно, недостает двух взаимосвязанных принципиальных моментов: знания Спекторским философии религии Когена, ввиду и того, что ее основные контуры немецкий философ прописал в последний период своего творчества (1912–1918), и системного подхода к анализу этики Когена, в котором более-менее полно охарактеризована связь этики и логики, но полностью отсутствует даже само упоминание таковой с эстетикой и философией религии.

На выход в общем-то апологетической работы В. А. Савальского по философии права марбургской школы почти молниеносно отреагировал П. И. Новгородцев статьей «Русский последователь Г. Когена» в 99-м номере журнала «Вопросы философии и психологии» за 1909 год. Именно эта апологетичность и вызывает наибольшее раздражение автора статьи. Новгородцев считает, что априори определенная Савальским позиция защитника марбургского неокантианства и обличителя всех иных форм и направлений философской мысли, в том числе и неокантианских, но немарбургского варианта, делает работу чрезвычайно субъективной, а потому и малопродуктивной. Кроме того, Новгородцев сетует на то, что Савальский стремится охватить своим анализом сразу слишком много авторов и их учений; для глубокого и профессионального исследования, по его мнению, достаточно было бы остановиться на одном Когене, разобраться в учении которого — задача чрезвычайно трудная, но в то же время и благодарная. Опыты в этике и философии права марбургских философов, вдохновленных своим несомненным лидером, Новгородцев считает выдающимися и интересными «первостепенное место в современной философской литературе» (Новгородцев, 1909, с. 636). Чтобы подчеркнуть запредельную субъективность подхода Савальского, Новгородцев использует даже термины из языка богословия, называя оценки учения Когена не просто восхвалениями, но «акафистами», всю книгу в результате «сектантской», а ее автора — «верующим прозелитом» и, в конце концов, подводит к общему уничижительному выводу: «Элемент поклонения вытесняет в ней [книге] элемент исследования; г. Савальский более восхваляет, чем анализирует, и вместо того, чтобы дать нам настоящее научное произведение, он дает лишь слабую попытку его выполнения. И это именно оттого, что он подходит к Когену не с критическим масштабом, а с благоговейным обожанием» (Новгородцев, 1909, с. 641).

Находя критические замечания Новгородцева чрезмерными, все-таки нельзя не согласиться с тем его суждением, что философскую систему Когена невозможно воспринимать как законченную и в качестве единственно верного и окончательного решения кантовских проблем, как это представлено в монографии Савальского. Следует также отметить отрывочность, непоследовательность и двусмысленность оценок Новгородцева самих этических построений Когена. Например, в отношении ориентирования этики марбургского неокантианца на юриспруденцию он приводит лишь такую замысловатую фразу, оставляющую прочитавшего ее в сильном недоумении: «Мысль об ориентировании этики в юриспруденции совершенно неудачна, но она вполне оригинальна, она приводит к совершенно особенному построению этической системы» (Новгородцев, 1909, с. 656).

Легко убедиться и в том, что отечественный автор сам себе противоречит, когда в начале статьи пишет о сложной, но интересной и передовой концепции этики и философии права у Когена, а в конце заявляет совершенно иное: «И вдвойне обидно и горько, когда в области философии права ищут руководства в мертвящей схоластике Германа Когена. ...в наше время поднимаются проблемы страшной сложности и остроты, которые и не снились старым эпохам и векам. Пред этой совокупностью современных исканий система марбургского профессора предстает во всей скудости и беспомощности неудачного кабинетного измышления» (Новгородцев, 1909, с. 661).

Поэтому нельзя не согласиться с ответной репликой Савальского на, в целом, огульный и бездоказательный вывод Новгородцева о крушении этики чистой воли Когена: «...на такое возражение вообще, — замечает Савальский, — мне приходится ответить и репликой вообще: анализировал и не вижу крушения» (Савальский, 1910, с. 361).

Как нельзя не согласиться и с высказыванием о неприятном и непродуктивном своеобразии общего построения критических рассуждений П. Новгородцева, которое подмечает В. Савальский: «...противник мой прерывает свое изложение всякий раз там, где оно начинается у него по существу» (Савальский, 1910, с. 364). В целом же полемика двух отечественных авторов больше напоминала ссору, где взаимные упреки оказывались в основном бездоказательными и субъективными. Новгородцев в своих статьях занял позицию ментора, учителя, который распекает своего нерадивого и спесивого ученика. Совсем неудивительно, что данная полемика не имела почти никакого резонанса, поскольку велась непрофессионально, переходя на личности, и мало что давала для существа дела.

Однако такая резко отрицательная рецензия авторитетного ученого П. И. Новгородцева не могла, конечно, не иметь негативных последствий в деле исследований этико-социальных и религиозных взглядов марбургского философа². Вполне вероятно и то, что «благодаря такому результату» этой полемики монографических исследований по марбургскому неокантианству больше в отечественной литературе ни до Октябрьского переворота, ни после него так и не появилось.

Наиболее взвешенную оценку этики Когена с позиции философии права дал, на мой взгляд, Б. А. Кистяковский. Дело в том, что исследователь попытался с наибольшей степенью объективности произвести анализ достижений и просчетов в этических построениях немецкого философа, обратив внимание на самое заметное и оригинальное нововведение Когена, а именно ориентацию этики на юриспруденцию. Однозначно негативные оценки своих коллег Спекторского и Новгородцева он посчитал слишком поспешными, субъективными и бездоказательными. В противовес им Кистяковский предложил посмотреть на это нововведение Когена более внимательно как с исторической, так и с содержательной стороны.

В своей фундаментальной работе «Социальные науки и право» ученый осуществляет исследование «Этики чистой воли» с точки зрения общего исторического контекста взаимосвязи философии и права и находит удачной саму попытку Когена сориентировать этику на юриспруденцию. Он полагает, что таким образом достигается более справедливое и правильное соотношение внутри практической философии этики и права, то есть и зависимость права от этики и его самостоятельность. Поскольку «право благодаря теоретической разработке, которой оно подверглось в юриспруденции, приобретает самостоятельное значение для этики» (Кистяковский, 1998, с. 233).

Принципиальным моментом в доказательстве позитивности такого шага в этических построениях марбургского философа Кистяковский считает прояснение того, на какую именно юриспруденцию ориентирует Коген

² Несмотря на то, что на работу Савальского с «положительными и нейтрально-положительными рецензиями и отзывами выступили русские марбуржцы (Фохт, Саккетти, Вышеславцев) и философы, симпатизирующие Марбургской школе (Яковенко)» (Дмитриева, 2007, с. 213).

свою этику. Как специалист по праву исследователь считает необходимым этот вопрос поставить и дать на него исчерпывающий ответ. И здесь Кистяковский выясняет, что Коген ориентирует этику не на общую теорию права, что было бы вполне логично сделать философу, а на догматическую юриспруденцию. И приводит в доказательство своего вывода тот аргумент, что немецкий философ в «Этике чистой воли» использует около 70 понятий именно из догматической юриспруденции. К таковым относятся «субъект и объект права, юридическое лицо, корпорация и государство, правовое отношение и правовой институт, правовая сделка и договор, правонарушение, преступление и проступок, умысел и неосторожность и т. д.» (Кистяковский, 1998, с. 236).

Чем же обусловлен такой выбор Когена? Кистяковский считает, что выбор догматической юриспруденции немецким философом здесь совершенно оправдан ввиду того, что она меньше подвержена историческим коллизиям, чем теория права. И хотя догматическая юриспруденция в какой-то мере зависит от теории права, ее ориентация на конкретную практику позволяет догматической юриспруденции требовать от своих понятий большей определенности и завершенности, что в конечном итоге и обуславливает ее относительную самостоятельность. Чрезмерное увлечение именно догматической юриспруденцией немецким философом и почти полное игнорирование им теории права, по мнению отечественного автора, приводит к тому, что Коген упускает из виду необходимую все же связь этих двух юридических наук, что, в свою очередь, становится причиной и всех недостатков ориентирования этики на юриспруденцию в системе этических построений марбургского неокантианца. «Но это, — подводит итог своему критическому анализу этики Когена Кистяковский, — не упраздняет принципиального значения попытки Г. Когена по-новому определить взаимоотношение юриспруденции и философии. Во всяком случае, *какие бы покушения на самостоятельность науки о праве еще ни совершались в будущем со стороны философии, факт ориентировки «Этики чистой воли» на юриспруденцию навсегда сохранит значение как момент в освобождении науки о праве от философии»* (Кистяковский, 1998, с. 238).

Методологизм этических построений Когена

Более системный анализ этики Когена, а не только с позиции философии права, присутствует у Е. Н. Трубецкого в работе «Панметодизм в этике (К характеристике учения Когена)», впервые опубликованной в журнале «Вопросы философии и психологии» №97 за 1909 год. Однако и здесь опять акцент поставлен на этике как основной части анализа и критики. Взяв за основу главную этическую работу немецкого неокантианца, а именно «Ethik des reinen Willens», друг и последователь философии Вл. Соловьева произвел ее достаточно полный обзор.

Главный упрек, адресуемый русским философом родоначальнику марбургского неокантианства, состоит в абсолютизации тем метода в философских построениях. Отождествляя бытие и мышление и с идеалистической точки зрения трактуя это отождествление, то есть отдавая приоритет мышлению, которое в качестве самодостаточного в своей бесконечно-малой глубине порождает и бытие, Коген, как справедливо замечает русский философ, стремится вместе с тем избежать метафизического гипостазирования обнаруживаемого тождества бытия и мышления.

Стараясь избежать каких-либо метафизических априорных оснований научного познания и отдавая на этом пути предпочтение методу научного познания, как отмечает Е. Трубецкой, марбургский неокантианец превращает саму истину в метод, а процесс ее постижения — в бесконечный процесс конструирования способов такого.

Наиболее отчетливо односторонность методологизма Когена, согласно русскому философу, обнаруживается в этической системе немецкого мыслителя, при внимательном рассмотрении которой оказывается, что в ней нет «ни Бога, ни человека, ни вечности, ни свободы, ни мира материального, ни мира духовного. Есть только наши “точки зрения”, “идеи” и “категории”, словом, — способы нашей мысли. Вся живая действительность здесь лишена внутренней жизни и превращена в какой-то методический гербарий» (Трубецкой, 1909, с. 130). Звучит безжалостным приговором, но если подойти к процессу научного познания трезво, без высокопарных метафор о постижении самой жизни во всех ее красках и проявлениях, то следует согласиться скорее с «сухой», но честной оценкой этого процесса в рамках философии, ориентированной на науку, у Когена, нежели у Трубецкого.

Если попытаться суммировать выдвинутые русским религиозным философом главные недостатки ориентированной на юриспруденцию этики Когена, то их можно представить следующим образом:

- реальный человек заменяется юридическим лицом;
- на место человеческих отношений ставится юридический договор;
- душа изгоняется, и ее место занимает чисто рассудочная схема договорных отношений.

Такая интерпретация сути этики приводит к нивелированию индивидуальных характеристик человека. Что же касается его социальных характеристик, то в этике Когена:

- нравственное объединение людей заменяется чисто логическим;
- идеалом нравственного закона объявляется юридический закон;
- основным гарантом нравственного состояния общества становится государство.

Таким образом, главной этической добродетелью человека оказывается безусловное подчинение закону, каков бы он ни был.

Корень подобного рода негативных aberrаций в этике немецкого неокантианца русский философ видит в ложности самой попытки Когена обосновать этику на юриспруденции в противовес более традиционному подходу, выводящему юриспруденцию из этических постулатов.

Кроме свойств индивида, теряющего в этических построениях Когена все свое реальное своеобразие, этика немецкого философа, убеждает Трубецкой, извращает и другие этические основания: идею Бога, идеал вечности и понятие свободы. Бог у Когена превращается в чисто методический прием, обеспечивающий гармонию между логикой и этикой, то есть между познанием человека и его разумными действиями. Вечность, в конце концов, оказывается бесконечной и бесцельной деятельностью человеческой воли, так как и цель в системе марбуржца есть лишь метод, который никогда не может стать реальным объектом. Что же касается свободы, то само свойство этого понятия производно от наличия самостоятельного субъекта, у Когена же субъект есть результат нравственного юридического законодательства.

Таким образом, подводя итог анализу философской системы Когена, Трубецкой констатирует полное фиаско марбургского неокантианца в его борьбе против эмпиризма и метафизики ввиду того, что опора на науку не предоставляет основания для их преодоления, но, напротив, возвращает к эмпиризму и метафизике, так как «вся наука обусловлена а priori системой категорий — понятий чистой мысли; с другой стороны, вся система категорий обусловлена рядом эмпирических данных — фактом данной науки, данным ее состоянием, фактом существования рода человеческого и данным состоянием его культуры» (Трубецкой, 1909, с. 159).

То есть мы видим, что в анализе Е.Н. Трубецкого нет и намек на стремление разобраться в характере этических построений, в задачах и установках методологических подходов немецкого философа, в определении использованных им понятий и категорий; нет и намек на стремление к объективности этого анализа, так как мы не встречаем никаких позитивных оценок ни философской системы Когена в целом, ни отдельных ее частей. Здесь даже трудно вести речь о том, что имеет место «философская атака» религиозно-философской позиции на позицию научно-философскую, так как представление первой, то есть религиозно-философской, позиции, опирающейся на концепт всеединства В.С. Соловьева, в данной статье отсутствует полностью. «Недостаточной и односторонней» при всех ее достоинствах назвал эту статью и П. И. Новгородцев (Новгородцев, 1909, с. 661).

Этика Когена: между логикой и религией и вместе с ними

На необходимость именно системного подхода к характеристике частей когеновской философии указывали как П. Наторп с Э. Кассирером, так и русские философы Б. Яковенко, С. Рубинштейн, А. Штейнберг.

Э. Кассирер в статье, посвященной анализу взаимосвязи в творчестве Г. Когена, с одной стороны, двух периодов — историко-философского, или комментаторского (здесь имеются ввиду три его фундаментальных исследования критической философии Канта), и периода собственной философской системы, с другой — логики, этики и эстетики в единой системе родоначальника марбургского неокантианства, подчеркивает: «Только из строгости собственного систематического требования постигается плотная связанность между всеми частями исторической работы Когена и только в полной реальной преданности труду Канта его система смогла самой себе определить свое идеальное, универсально-историческое место» (Cassirer, 1912, S. 273).

Не вызывает сомнения то, что только в системе критического идеализма можно понять истинное предназначение этики. Особое внимание Коген обращал на необходимость прояснения характера взаимосвязи этики с логикой. Он и заслугой Платона с Кантом считал то, что «они сумели не только разъединить, но в то же время и объединить логику и этику в одной системе» (Пома, 2012, с. 96–97). У самого же марбургского неокантианца его этический идеализм представляет собой «расширение» (П. Наторп) и «углубление» (А. Пома) идеализма критического.

Уточняя характер связи этики и логики и методического оправдания этой связи, Наторп, в частности, замечает: «Эта область (то есть область этики. — В.Б.) на самом деле вовсе не оторвана от логоса, от мышления, от разума, а именно и является их безостановочным раскрытием, не ограничен-

ным более условиями времени, пространства и причинности. Она обусловлена не отпадением от разума, а скорее расширением его царства, переступающим все границы, в которых всегда остается заключенной теоретическая философия, подчиненная очевидной необходимости» (Наторп, 2006, с. 141).

Один из русско-еврейских последователей Германа Когена Аарон Штейнберг выделяет три основных предпосылки философских построений марбургского неокантианца. Это системность, которая заключена прежде всего в строгом проведении трансцендентального метода и в интерпретации кантовской «вещи в себе» как идеи в качестве первой предпосылки учения Когена и которая есть развитие Канта в сторону Гегеля. Такая наибольшая отвлеченность от эмпирии и психологизма обуславливает наиболее глубокое проникновение в исторический дух эпохи и осуществляет единство культуры как вторая предпосылка, которая есть развитие учения Канта в сторону Фихте, и наконец, последняя, третья, предпосылка представляет собой еврейство, или «этический монотеизм», пророческий или мессианский монотеизм.

В качестве одного из главных достоинств этики Когена Штейнберг выделяет ее «материальность», которая стала возможна благодаря открытой и утвержденной марбургским философом связи этики с юриспруденцией. Ученый оправдывает как антиформализм этики Когена, так и ее опору на учение об аффектах, поскольку считает, что «без аффектов чести и любви невозможно было бы учение о добродетелях, а без него этика была бы только логикой, правда, не естественных, а гуманитарных наук, но все же в некотором смысле учением о сущем, о бытии просто, а не учением о должном и о его бытии, которое по своему реальному достоинству не только не уступает сущему, но и превосходит его» (Штейнберг, 2011, с. 301).

Поскольку этика есть реальность должного, этический идеал должен иметь смысл и действительность и в настоящей реальности. Именно такой задачей, что называется, «преображающей укорененности» этики в культурной работе современности Штейнберг объясняет причину того, почему идею добра «Коген должен был превратить в “идею Бога”». Весь оптимизм Когена в оценке места и значения систематической философии в истории человеческой культуры покоился бы на непроверенной предвзятости, если бы Коген не решился включить основное понятие религии в свою систематическую этику» (Штейнберг, 2011, с. 302).

В целом Коген рассматривает философское творчество как пророческую работу. По-другому и нельзя проинтерпретировать слова марбургского философа: «Мой предшественник – Миха» (Штейнберг, 2011, с. 303).

Связывая этику с правом, по мысли другого последователя и ученика марбургского философа Сергея Рубинштейна, Герман Коген ориентирует ее на дисциплину, «дающую в понятии юридического лица и правового деяния наиболее точную, объективно содержательную формулировку той проблемы, которую для этики представляет человек в его нравственных поступках» (Рубинштейн, 1994, с. 247).

Только в юриспруденции, убежден Рубинштейн, человек рассматривается уже не с психологической точки зрения, как подверженный эмоциям и аффектам, и не с точки зрения экономической, обуславливаемый своими интересами, но как субъект прав и обязанностей. В этой сфере человек определяется нормами и законами, и, соответственно, поэтому этическое по-

ведение человека должно определяться законом. Так, уже в «Теории опыта Канта» Коген заявляет: «...не основное свойство нашего чувствования хотим мы представить в качестве морального, но мы ищем как априори этики, разумеется, то, что в образе закона, и исключительно как такового, может конституироваться для нравственной культуры» (Коген, 2012, с. 577–578).

Кстати, негативные последствия субъективации этики, с одной стороны, и так называемой позитивизации права – с другой, мы воочию можем наблюдать сегодня, когда правами стремятся наделить любые субъективные желания человека (всевозможные сексуальные извращения, однополые браки, смену пола и т.п.), а юриспруденция заявляет, что эти ненормальные проявления человеческих желаний – факт, который уже поэтому требуется узаконить.

Также Рубинштейн отмечает несомненный позитив для определения этики в когеновском принципе, или законе истины, которая может быть адекватно понята только в единстве логических и этических моментов. Так в «Этике чистой воли» Коген подчеркивает: «Между тем только логика имеет правильность, законосообразность, всеобщность, необходимость, но в себе не есть истина. Лишь этика привносит истину; но она привносит ее; она не может добиться ее изолированно, не может произвести из самой себя; только в связи с логикой она до нее дорастает» (Cohen, 1907, S. 87).

Рубинштейн подмечает факт существования понятия в русском языке, отражающего такого рода двуединство истины как истины-правильности и истины-справедливости: правда. Для этики участие в формировании истины означает то, что она избегает двух крайностей: логического объективизма, то есть определения ее как чего-то данного, и этического субъективизма, то есть определения ее как чего-то принадлежащего психологической структуре субъекта. «Этическое, – подчеркивает Рубинштейн, – имеет ту же объективность, что и логическое: оно может показать себя и объективностью своего содержания обосновать себя как бытие общеобязательной значимости» (Рубинштейн, 1994, с. 247).

Отечественный автор указывает также на одно затруднение в этической концепции Когена, связанное с помещением этического идеала в трансцендентную даль, с бесконечностью нравственной задачи приближения человека к совершенству. Такой характер нравственной цели оказывается не всем под силу вынести. Можно здесь вспомнить и этическую концепцию долга Канта, в которой он требует постоянно подвергать проверке свои поступки на предмет их соответствия велениям исключительно долга, а не чего-то к нему примешанного. Таким образом, немецкие последователи трансцендентальной традиции честно заявляют о том, что человеку нравственному в этом мире придется нелегко, ему следует быть постоянно в напряженной работе без претензии на достижение когда-либо своей заветной цели – стать морально совершенным. Тех же, кто не способен выдержать такого постоянно-незавершающегося напряжения моральной работы, но все-таки стремится быть моральным, поджидает опасность впасть в мистику, которая, по мнению Рубинштейна, предполагает возможность слияния с Абсолютом и, таким образом, достижения совершенства.

Опасность заключается в том, что такое мистическое лжесовершенство, на самом деле, антиморально, поскольку возмнивший себя совершенным человек, говоря словами Ницше, оказывается «по ту сторону добра и зла». Напротив, пафос этической концепции как бесконечной задачи абсолютно антимистичен, он «в том чувстве дистанции, которую она в правдивой са-

мокритике полагает между мной и абсолютном (в терминах имманентно-этических) — между мной и Богом (в терминах религиозных). Бог трансцендентален. Он не дан и не может быть дан в какой-либо конкретной данности. (Нет мистического единения с Богом — есть лишь бесконечная нравственная работа приближения к Богу.) Этическое совершенство никем и ничем не дается — оно лишь собственной нравственной работой создается» (Рубинштейн, 1994, с. 256).

Однако этическая концепция Когена не просто антимистична, она и не антигуманна, с одной стороны, а с другой — до конца не покидает своего места в философской системе, где она никогда не теряет своей связи с логикой. Такого рода гуманность, то есть бессмысленность бесконечной нравственной работы, и «восстановление» связи с логикой заложены в когеновской «идее Бога». В ней через религиозный момент вновь особым образом явлена взаимосвязь логического и этического. «Идея Бога» Когена представляет из себя такой вид синергии идеала (должного) с настоящим, который, с одной стороны, оправдывает настоящее перед лицом бездонной пропасти между этим несовершенным настоящим и совершенным идеалом будущего; будущее здесь не исчезает в туманной дымке неопределенной бесконечности, но с другой стороны, не допускает и слияния с этим идеалом будущего в каком-то мистическом экстазе, потому что разум дает себе отчет в том, что это только «идея», но не сам Бог, это только принцип практического разума в его этической реализации. В православной мистике существует учение паламизма о возможности единения с Богом не по сущности, но по энергии. Если переложить мысль Когена об идее Бога на православный язык, то здесь мы будем иметь попытку разумности такого рода синергии человека и Бога. «Идея Бога», представленная Когеном в его этических построениях, есть, на мой взгляд, высший, возможный в человеческой рациональности принцип, который приобретает вид энергии, преобразующей разум, преобразующей свободно и автономно, для его методического единства с Богом.

Как это реально работает и работает ли вообще — другой вопрос. Но то, что это, действительно, системная, рационально-методологическая мысль и что в этой системности она имеет свое полное оправдание, — несомненно.

В заключение приведу слова Пауля Наторпа, которые подтверждают размышления Аарона Штейнберга и Сергея Рубинштейна об особой роли этики в системе философии марбургской школы неокантианства: «Этика бесконечных задач оставляет нас в самом центре рискованного становления; она запрещает нам также стремиться только сохранить наше “бытие” и ожидает от нас неустанного движения вперед, безостановочного возвышения нашей самости. Этим впервые обосновывается настоящая чистая воля, и с этики снимается всякая тень натурализма» (Наторп, 2006, с. 141–142).

Список литературы

1. Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: Марбург в России. Историко-философские очерки. М., 2007. С. 213.
2. Кистьяковский Б.А. Социальные науки и право // Кистьяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 221–241.
3. Коген Г. Теория опыта Канта / пер. с нем. В.Н. Белова. М., 2012.
4. Наторп П. Кант и Марбургская школа // Наторп П. Избранные работы. М., 2006. С. 119–145.

5. Новгородцев П.И. Русский последователь Г. Когена // Вопросы философии и психологии. 1909. №99. С. 636–662.
6. Пома А. Критическая философия Германа Когена / пер. с итал. О.А. Поповой. М., 2012.
7. Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник 92. М., 1994. С. 230–259.
8. Савальский В.А. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии. Коген, Наторп, Штаммлер и др. Т. 1 // Ученые записки Московского Императорского университета, юрид. ф-та. Вып. 33. М., 1909.
9. Савальский В. Ответ проф. Новгородцеву // Вопросы философии и психологии. 1910. №105. С. 341–382.
10. Спекторский Е. Из области чистой этики // Вопросы философии и психологии. 1905. №78. С. 384–412.
11. Трубецкой Е., кн. Панметодизм в этике (К характеристике учения Когена) // Вопросы философии и психологии. 1909. №97. С. 121–165.
12. Штейнберг А.З. Герман Коген как воспитатель (1842–1918) // Штейнберг А.З. Философские сочинения. СПб., 2011. С. 284–309.
13. Cassirer E. Hermann Cohen und die Erneuerung der Kantischen Philosophie. In: Kant-Studien, Bd. 17, Berlin, 1912. S. 252–273.
14. Cohen H. Ethik des reinen Willens. 2. Aufl. Berlin, 1907.

Об авторе

Владимир Николаевич Белов — д-р филос. наук, проф. кафедры философии культуры и культурологи философского факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, belovvn@rambler.ru

RECEPTION OF COHEN'S ETHICS IN RUSSIA

V. N. Belov

This article focuses on the perception of the ethical constructions of the founder of the Marburg school of Neo-Kantianism Hermann Cohen by Russian philosophers abroad. The author identifies three approaches, characteristic of this perception: from the perspective of Russian philosophy of law, from that of Russian religious philosophy, and that of Russian followers of the Marburg Neo-Kantianist.

The first two approaches are characterized by a non-systemic perception with an emphasis on critique. The key features of the third one are the system nature and the attempt to stress both the progress and the shortcomings of H. Cohen's ethical constructions.

When analyzing Cohen's ethics, Russian theorists of law focused on the correlation between law and morals. In this connection, the central issue was the legal orientation of the Marburg philosopher's ethics.

The main drawback of H. Cohen's constructions emphasized by a proponent of V. S. Soloviev's all-unity concept, E. N. Trubetskoy, is the absolutizing of method.

One of the Jewish-Russian followers of H. Cohen, Aaron Steinberg, identifies three main premises of the philosophical constructions of the Marburg Neo-Kantian — the system nature, cultural unity, and finally, Jewishness or "ethical monotheism" (messianic monotheism).

Only jurisprudence, another follower of Cohen, Sergey Rubinstein argues, considers a human being as a holder of rights and responsibilities rather than a being affected by emotions and passion as from the psychological perspective or that guided by their own interests as from the economic one.

The Russian philosopher also stresses the evident positivity of the definition of ethics in Cohen's principle of the law of truth that can be correctly perceived only within a combination of the logical and the ethical.

Key words: Cohen, Kant, philosophy of law, Russian philosophy, ethics, system of philosophy.

References

1. Kistjakovskij B.A. 1998, Sozial'nije nauki i pravo [Social sciences and right], *Filosofija i soziologija prava* [Philosophy and sociology of right], St. Petersburg, p. 221–241.
2. Kogen G. 2012, *Teorija opita Kanta* [Theory of experience of Kant], Per. s nem. V.N. Belova, Moscow.
3. Natorp P. 2006, Kant i marburgskaja škola [Kant and Marburger school], *Izbrannije raboti* [Selected works], Moscow, p. 119–145.
4. Novgorodzev P.I. 1909, Russkij posledovatel' Kogena [Russian follower of Cohen], *Voprosi filosofii i psihologii* [Questions of philosophy and psychology], n. 99, Moscow, p. 636–662.
5. Poma A. 2012, *Kriticheskaja filosofija Germana Kogena* [The critical philosophy of Hermann Cohen], Per. s it. O.A. Popova, Moscow.
6. Rubinstejn S.L. 1994, O filozofskoj sisteme Kogena [About the philosophical system of H. Cohen], *Istoriko-filozofskij eshegodnik'92* [Historic-philosophical annual'92], Moscow, p. 230–259.
7. Savalskij V.A. 1909, Osnovi filosofii prava v nauchnom idealizme. Marburgskaja škola filosofii. Kogen, Natorp, Shtamler i dr. T. 1 [Basis of philosophy of right in scientifically idealism. Marburger school of philosophy. Cohen, Natorp, Stammler et al. V. 1], *Uchenije zapiski Moskovskago Imperatorskogo universiteta, jurid. f-ta* [Proc of Moscow imperial university, juridical faculty], issue 33, Moscow.
8. Savalskij V.A. 1910, Otvet prof. Novgorodzevu [Answer to Prof. Novgorodzev], *Voprosi filosofii i psihologii* [Questions of philosophy and psychology], n. 105, Moscow, p. 341–382.
9. Spektorskij E. 1905, Iz oblasti chistoji etiki [From field of pure ethics], *Voprosi filosofii i psihologii* [Questions of philosophy and psychology], n. 78, Moscow, p. 384–412.
10. Trubezkoj E. 1909, Panmetodizm v etike (K karakteristike uchenija Kogena) [Panmethodism in ethics (To the characteristic of the doctrine of Cohen)], *Voprosi filosofii i psihologii* [Questions of philosophy and psychology], n. 97, Moscow, p. 121–165.
11. Shtejnberg A.Z. 2011, German Kogen kak vospitateľ (1842–1918) [Hermann Cohen as the teacher (1842–1918)], *Filozofskie sochinenija* [Philosophical works], St. Petersburg, p. 284–309.
12. Cassirer E. Hermann Cohen und die Erneuerung der Kantischen Philosophie. In *Kant-Studien*, Bd. 17, Berlin, 1912. S. 252–273.
13. Cohen, H. *Ethik des reinen Willens*. 2. Aufl. Berlin, 1907.

About the author

Prof. Vladimir Belov, Department of Philosophy of Culture and Cultural Studies, Faculty of Philosophy, N. G. Chernyshevsky State University of Saratov, belovvn@rambler.ru